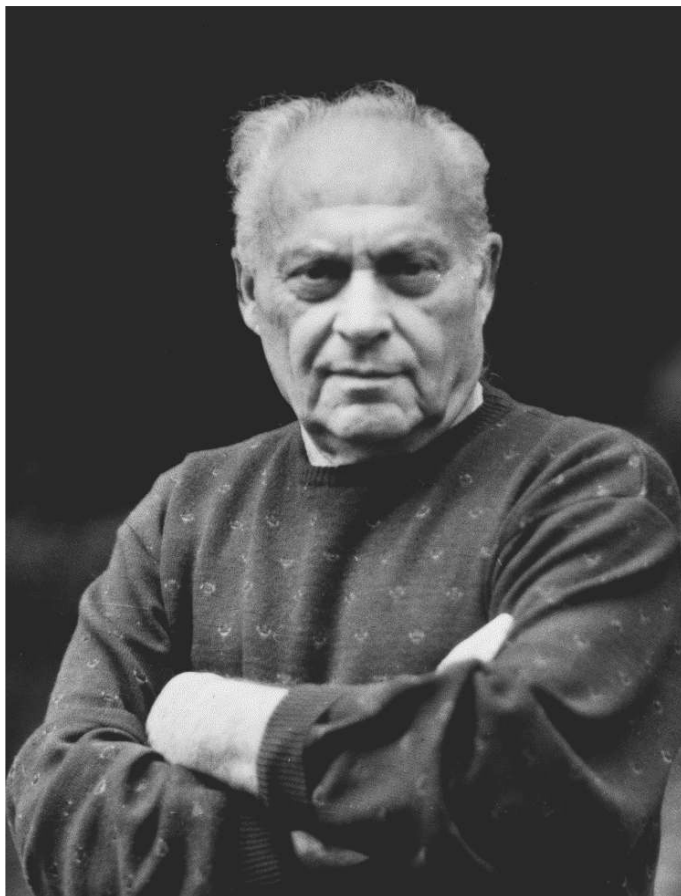


ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ



АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ

1911-1998

Анатолий Рыбаков

**Дети Арбата
Прах и пепел**

Книга 3

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
Р93

Рыбаков, А.

Р93 Дети Арбата. Книга 3. Прах и пепел / А. Рыбаков. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 630 с. – (Легендарные книги литагентства ФТМ).

ISBN 978-5-521-74717-7

Трилогия «Дети Арбата» повествует о горькой странице истории России — о том времени, которое называют «периодом культа личности». Роман «Прах и пепел» (третья книга трилогии) завершает рассказ о судьбах героев книги «Дети Арбата» и «Страх».

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74717-7

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ,
Лтд.», 2018
© Текст. А.Н. Рыбаков,
наследники, 2018

Погиб и кормщик и пловец!
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную свою
Сушу на солнце под скалою.

А. Пушкин

Часть первая

1

— Повезло тебе, дорогуша! Первый раз пошел на почту, и бац — твоя телеграмма! Я сразу на вокзал.

Глеб улыбался, обнажал белые зубы, поглядывал на Сашу.

— С хозяйкой своей я договаривался на одного, приводить второго неудобно. Поищем тебе отдельную квартиру.

В камере хранения чемодан взяли, рюкзак — нет: «Не принимаем без замков». Саша сунул приемщику рубль: «Ладно, начальник, сегодня заберем». Сидор поставили рядом с чемоданом, квитанцию выдали на два места.

— Пройдемся пешком, — предложил Саша, — заодно и город покажешь.

Продовольственный магазин, промтовары, канцтовары, булочная, аптека... Как и в Калининe, как и всюду. Уныло. Старые одно— и двухэтажные деревянные дома. Изредка каменные — на них таблички с названием учреждений на русском языке и русскими же буквами на башкирском. Только это и напоминало, что здесь столица Башкирской автономной республики. А так — провинция, булыжная мостовая, кое-где деревянные тротуары, а где и вовсе без тротуаров. Пыль.

— Как тебе наша Уфа?

— Тоска российских городов...

Так он ответил Глебу. А про себя подумал: может быть, это его тоска... Опять, в который раз, все начинать сначала.

— Жить можно, — сказал Глеб, — башкиры народ мирный, гостеприимный. Однако обидчивый. Ты с ними, дорогуша, не задирайся.

— Еще чего!

— Сидели мы на днях в компании, один интеллигент ленинградский, молодой, такому же молодому башкиру говорит вроде, мол: «Я с тобой, старик, согласен». Понимаешь, дорогуша? Слово «старик» произнес, как это у ленинградских интеллигентов принято. А башкирин его по морде хрясь! «Какой я тебе старик?!» На слово «старик» обиделся. Хоть бы девки за столом сидели, значит, перед девками унизил. Нет, не было девок, одни мужики.

Глеб показал на павильон с надписью «Кумыс».

— Видишь, кумысом торгуют? Кобылье молоко, башкиры гонят из него араку вроде нашей браги, даже спирт гонят. Пьют будь здоров, на Коран внимания не обращают. «Деньга есть — Уфа гуляем, деньга нет — Чишма сидим».

— Что за Чишма?

— Станция возле Уфы, не заметил?

— Не обратил внимания.

— Выпить любят, а закусить еще больше. У них мясо в основном: конина, баранина. Бешбармак ничего, есть можно.

Они шли по центру города, по улице Егора Сазоно-

ва — эсер, террорист, убил царского министра Плеве. Уфимец он, что ли, был? Часто стали попадаться люди в энкаведешной форме, в начищенных сапогах, галифе, рыла квадратные, неподвижные.

— Что-то много их здесь, — заметил Саша.

— Видишь? — Глеб показал. — Управление НКВД.

Длинное двухэтажное кирпичное здание, окна зарешечены толстыми металлическими прутьями, четыре подъезда выступают до середины тротуара — глухие коробки, закрытые тяжелыми двустворчатыми дверьми без стекол.

— Глеб, ты знал, что в Калинин вносятся паспортные ограничения?

— Знал.

— Почему не сказал?

— Как это так: не сказал? Я точно помню свои слова: «Сегодня Калинин не режимный город, завтра станет режимным». Это что?

— Ну, намек...

— Такой намек и ребенок поймет. Тем более я предложил тебе уехать.

— Намек я понял уже в милиции.

— В твоём положении надо быстрее соображать.

— Получилось даже лучше: документы на руках, с работы уволен, с квартиры выписан. Ладно, скажи: начали халтуру?

— Дорогуша! Как ты можешь? «Халтура»! Да ты что? Бригада под руководством самого Семёна Григорьевича Зиновьева.

— Он тому Зиновьеву не родственник?

— Даже не однофамилец. Бывший солист Мариинского театра, автор книги «Современные балльные танцы». Дам тебе почитать, узнаешь, что о танцах говорили Сократ и Аристотель. Семен — могучая личность, крупный деятель, арендовал Дворец труда в самом центре, договора заключает с заводами и фабриками. Тридцать рублей с носа: фокстрот, румба, танго, вальс-бостон. — Глеб сбавил шаг, бросил взгляд на Сашин костюм, туфли. — Другого костюма у тебя нет?

— Чем этот плох?

— Немодный. И туфли... Туфли, дорогуша, это самое главное! Будешь им показывать, в какую сторону ногами двигать, на что они будут смотреть? На твою прекрасную шевелюру, на твои б...ские глазки? Нет, дорогуша, на твои ножки будут смотреть. И если увидят стоптанные или грязные ботинки, то, согласишься, дорогуша, в восторг от твоего танца не придут. Не-эстетично! Галстук у тебя есть?

— В жизни не носил.

— Придется носить. И ботиночки сегодня же купить. Черные. Черные туфли подходят к любому костюму. Отнесись серьезно — это не какие-то там танцы-шманцы. Это, дорогуша, идеология, учти.

— Даже так?

— Собирается группа в тридцать человек, ты как думаешь: никого это не интересует? И не одна группа. Вся Уфа, и русские, и башкиры, все хотят танцевать западноевропейские танцы. Значит, кому положено, должен за этим следить. Ладно, пошли, увидишь нашу контору.